

УДК 821.161.09 Чехов
ББК 83.3(2Рос=Рус)5

Н.В. Изотова

**ВАРИАНТНЫЕ
ДИАЛОГИЧЕСКИЕ
СТРУКТУРЫ
В РАССКАЗЕ А.П.ЧЕХОВА
«ДАМА С СОБАЧКОЙ»**

В статье анализируются разные способы конструирования диалогического общения персонажей рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой», возникающие в письменном пространстве текста. Вариантные диалогические структуры являются средством создания как плана персонажа, так и плана читателя, поскольку формируются в диалоги только при участии воспринимающего сознания читателя. Формирование диалогического общения происходит при помощи разных способов передачи чужой речи, свертывания реального диалога, незавершенности канонической диалогической структуры, что дает возможность расширить мир персонажа с помощью включения читательского восприятия.

Ключевые слова: *диалогическая структура, естественный диалог, реальный диалог, свернутая конструкция, одностороннее общение.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-3-127-133

Изотова Наталья Валерьяновна – докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
E-mail: nvizotov@yandex.ru

© Изотова Н.В., 2016.

Различные формы передачи чужой речи (прямая, косвенная, несобственно-прямая, тематическая), совмещение этих форм речи в диалоге, противопоставление диалога и повествования, их гибкая совмещенность и взаимовключенность рассматриваются исследователями творчества А.П. Чехова при определении законов построения чеховского текста, анализе особенностей общения чеховских персонажей, проблем смыслопорождения, внедренности читательского сознания в чеховский нарратив [Степанов, 2005; Изотова, 2006; Кожевникова, 2011; Фрайзе Маттиас, 2012 и др.]. В статье делается анализ специфических диалогических структур, являющихся вариантами естественного диалога в пространстве прозаического текста.

Рассказ «Дама с собачкой», как и все прозаические произведения А.П.Чехова, содержит большое количество диалогов, представляющих общение персонажей как реальное, естественное, проектирующееся на живое общение, и в то же время эти диалоги значительно отличаются от устного разговорного диалога, поскольку имеют письменное воплощение и связаны с определенными художественными задачами.

Реальные диалоги, т. е. диалоги, отражающие все параметры естественного устного общения, в графическом пространстве текста могут трансформироваться, изменяя различные параметры разговорного диалога. Обратим внимание на своеобразие диалогических структур в соответствии с сюжетной линией рассказа. Уже в самом начале рассказа встречаем

свернутую диалогическую конструкцию, которая представляет читателю реальные множественные диалогические ситуации неперсонифицированных участников. Главное действующее лицо, Гуров, вводится в пространство текста в связи с его интересом к содержанию общения разных отдыхающих.

«Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой. Дмитрий Дмитрич Гуров, проживший в Ялте уже две недели и привыкший тут, тоже стал интересоваться новыми лицами».

Автор «сворачивает» неопределенное количество диалогов разных лиц, происходящих в разное время, в одно предложение в авторской речи и дает возможность читателю расширить таким образом представление о ситуации, в которой началось знакомство Гурова и Анны Сергеевны. Последующие свернутые диалогические конструкции структурируются по-разному: постоянно повторяющиеся диалоги Гурова на одну и ту же тему с разными людьми представлены фрагментом текста, в котором участники диалогов неперсонифицированы, обозначена тема их высказываний, только реплика Гурова приведена полностью в форме прямой речи. Содержание этой реплики (в самом начале рассказа), характеризующее отношение Гурова к женщинам, опровергается впоследствии отношением Гурова к Анне Сергеевне.

«Изменять ей он начал уже давно, изменял часто и, вероятно, по этому о женщинах отзывался почти всегда дурно, и когда в его присутствии говорили о них, то он называл их так: – Низшая раса!».

А.П. Чехов представляет читателю Гурова в начале рассказа, характеризуя также в целом его поведение в диалогах с мужчинами и женщинами, не раскрывая их содержания.

«В обществе мужчин ему было скучно, не по себе, с ними он был неразговорчив, холоден, но когда находился среди женщин, то чувствовал себя свободно и знал, о чем говорить с ними и как держать себя; и даже молчать с ними ему было легко».

Первый диалог Гурова с Анной Сергеевной является канонической диалогической структурой, в которой соблюдены все параметры естественного общения (единство времени и места, последовательная сменяемость реплик двух участников диалога, невербальные компоненты, выполняющие роль реплики).

«Он ласково поманил к себе шпица и, когда тот подошел, погрозил ему пальцем. Шпиц заворчал. Гуров опять погрозил.

Дама взглянула на него и тотчас же опустила глаза.

– Он не кусается, – сказала она и покраснела.

– Можно дать ему кость? – и когда она утвердительно кивнула головой, он спросил приветливо: – Вы давно изволили приехать в Ялту?

– Дней пять.

– А я уже дотягиваю здесь вторую неделю».

Дальнейшее подробное знакомство читателя с героями происходит с помощью нерасчлененной диалогической структуры. Своеобразие таких структур заключается в особой последовательности реплик-сти-

мулов и реплик-реакций, которые по-разному сгруппированы во фрагменте текста. Такие фрагменты могут быть выражены авторской речью. В них ввод в диалогическую ситуацию осуществляется в начале диалогического фрагмента текста с помощью глаголов говорения во множественном числе, обозначающих совместность процесса: «разговаривать», «разговориться», «беседовать», «говорить».

«Она засмеялась. Потом оба продолжали есть молча, как незнакомые; но после обеда пошли рядом – и начался шуточный, легкий разговор людей свободных, довольных, которым все равно, куда бы ни идти, о чем ни говорить. Они гуляли и говорили о том, как странно освещено море; вода была сиреневого цвета, такого мягкого и теплого, и по ней от луны шла золотая полоса. Говорили о том, как душно после жаркого дня. Гуров рассказал, что он москвич, по образованию филолог, но служит в банке; готовился когда-то петь в частной опере, но бросил, имеет в Москве два дома... А от нее узнал, что она выросла в Петербурге, но вышла замуж в С., где живет уже два года, что пробудет она в Ялте еще с месяц и за ней, быть может, придет ее муж, которому тоже хочется отдохнуть. Она никак не могла объяснить, где служит ее муж, – в губернском правлении или в губернской земской управе, и это ей самой было смешно. И узнал еще Гуров, что ее зовут Анной Сергеевной».

В приведенном выше примере содержание диалога Гурова и Анны Сергеевны передается не в виде чередующихся друг за другом реплик с разной функциональной направленностью, а компонентами диалогического фрагмента текста, передающими сначала общее содержание разговора персонажей, а затем содержание реплик Гурова, потом Анны Сергеевны, в результате чего у читателя складывается целостное представление о диалоге персонажей.

В начале второй части рассказа отношение Анны Сергеевны к Гурову представлено во фрагменте текста, в который включено и описание диалогического поведения Анны Сергеевны, свидетельствующего о начале возникающего глубокого чувства.

«Анна Сергеевна смотрела в лорнетку на пароход и на пассажиров, как бы отыскивая знакомых, и когда обращалась к Гурову, то глаза у нее блестели. Она много говорила, и вопросы у нее были отрывисты, и она сама тотчас же забывала, о чем спрашивала; потом потеряла в толпе лорнетку».

Время, проведенное в Ялте персонажами вместе, дано очень сжато, ёмко. В этом описании есть и диалогическое общение, в котором глаголы «неговорения» представляют свернутые совместные речевые действия («восхищались», «ждали»), реплики каждого из персонажей по содержанию являются либо репликами-стимулами, либо репликами-реакциями, не имеющими в тексте рассказа других реплик с соответствующей функциональной нагрузкой. Такая трансформация диалога способствует активному включению сознания читателя в осмысление диалогического общения персонажей.

«Потом каждый полдень они встречались на набережной, завтракали вместе, обедали, гуляли, восхищались морем. Она жаловалась, что дурно спит и что у нее тревожно бьется сердце, задавала одни и те же вопросы, волнуемая то ревностью, то страхом, что он недостаточно ее уважает. И часто на сквере или в саду, когда вблизи их никого не было, он вдруг привлекал ее к себе и целовал страстно. Совершенная праздность, эти поцелуи среди белого дня, с оглядкой и страхом, как бы кто не увидел, жара, запах моря и постоянное мелькание перед глазами праздных, нарядных, сытых людей точно переродили его; он говорил Анне Сергеевне о том, как она хороша, как соблазнительна, был нетерпеливо страстен, не отходил от нее ни на шаг, а она часто задумывалась и все просила его сознаться, что он ее не уважает, несколько не любит, а только видит в ней пошлую женщину. Почти каждый вечер попозже они уезжали куда-нибудь за город, в Ореанду или на водопад; и прогулка удавалась, впечатления неизменно всякий раз были прекрасны, величавы. Ждали, что придет муж».

В конце второй части рассказа прощание на вокзале представлено в тексте только репликами Анны Сергеевны как одностороннее общение. Вербальной реакции Гурова нет, видимо, по той причине, что главное для автора было обозначить отношение Гурова к сложившейся ситуации, что описано сразу же после отхода поезда. Это описание «еще одного похождения» объясняет причину «невербализованности» прощания со стороны Гурова.

В третьей части рассказа, когда Гуров понял, что его отношение к Анне Сергеевне отличается от его прежних отношений с женщинами, А.П. Чехов передает его внутренние переживания также с помощью диалогических структур: внутренних безответных реплик, выраженных в форме несобственно- прямой речи. Эти реплики Гуров не мог произносить вслух и говорил совсем другое, что представлено очень обобщенно.

«И уже томило сильное желание поделиться с кем-нибудь своими воспоминаниями. Но дома нельзя было говорить о своей любви, а вне дома – не с кем. Не с жильцами же и не в банке. И о чем говорить? Разве он любил тогда? Разве было что-нибудь красивое, поэтическое, или поучительное, или просто интересное в его отношениях к Анне Сергеевне? И приходилось говорить неопределенно о любви, о женщинах, и никто не догадывался, в чем дело, и только жена шевелила своими темными бровями и говорила:

– Тебе, Дмитрий, совсем не идет роль фата».

Желание и попытка Гурова высказаться оканчивается неудачно, его не слышат или не хотят слышать; возникает общение, в котором есть «реакция» собеседника, по содержанию не имеющая реагирующего характера. В тексте возникает структура со смысловым «рассогласованием» на вертикальном уровне развития. Подобное общение свидетельствует о невнимании партнера по клубу к Гурову и его переживаниям.

«Однажды ночью, выходя из Докторского клуба со своим партнером, чиновником, он не удержался и сказал:

– Если б вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!

Чиновник сел в сани и поехал, но вдруг обернулся и окликнул:

– Дмитрий Дмитрич!

– Что?

– А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!».

В начале четвертой части есть диалог Гурова с дочерью, не приведенный полностью до конца (не все реплики Гурова полноценны по содержанию для читателя). Неполнота диалогической структуры в художественном прозаическом произведении может пониматься по-разному. Автор информирует читателя о наличии ответа, не раскрывая его содержания и используя диалогическую структуру для включения авторского компонента.

Однажды он шел к ней таким образом в зимнее утро (посыльный был у него накануне вечером и не застал). С ним шла его дочь, которую хотелось ему проводить в гимназию, это было по дороге. Валил крупный мокрый снег.

– Теперь три градуса тепла, а между тем идет снег, – говорил Гуров дочери. – Но ведь это тепло только на поверхности земли, в верхних же слоях атмосферы совсем другая температура.

– Папа, а почему зимой не бывает грома?

Он объяснил и это. Он говорил и думал о том, что вот он идет на свидание и ни одна живая душа не знает об этом и, вероятно, никогда не будет знать. У него были две жизни: одна явная, которую видели и знали все, кому это было нужно, полная условной правды и условного обмана, похожая совершенно на жизнь его знакомых и друзей, и другая – протекавшая тайно. И по какому-то странному стечению обстоятельств, быть может, случайному, все, что было для него важно, интересно, необходимо, в чем он был искренен и не обманывал себя, что составляло зерно его жизни, происходило тайно от других, все же, что было его ложью, его оболочкой, в которой он прятался, чтобы скрыть правду, как, например, его служба в банке, споры в клубе, его «низшая раса», хождение с женой на юбилей, – все это было явно, и по себе он судил о других, не верил тому, что видел, и всегда предполагал, что у каждого человека под покровом тайны, как под покровом ночи, проходит его настоящая, самая интересная жизнь. Каждое личное существование держится на тайне, и, быть может, отчасти поэтому культурный человек так нервно хлопочет о том, чтобы уважалась личная тайна.

Проводив дочь в гимназию, Гуров отправился в «Славянский базар».

В рассказе «Дама с собачкой» во второй и четвертой частях рассказа есть два авторских философских отступления, посвященных проблеме неподлинного существования человека. В четвертой части это отступление «встроено» в диалог Гурова с дочерью, приведенный выше. Диалог не имеет полноценной реплики-реакции («Он объяснил и это»), поскольку, видимо, самым главным является не то, что Гуров говорит, а то, что он думает («Он говорил и думал о том, что...»). Завершается ди-

алогический фрагмент текста указанием на окончание общения в связи с достижением места движения – гимназии. Содержательная неполнота общения Гурова с дочерью компенсируется для читателя другим компонентом, структурно включенным в диалогический фрагмент текста и являющимся описанием тайны индивидуального бытия человека, что составляет, как известно, основу своеобразия чеховского психологизма.

Завершается рассказ диалогическим фрагментом, в котором есть отдельные реплики Гурова, выраженные прямой речью, и авторским компонентом фрагмента, передающим содержание диалога Гурова и Анны Сергеевны без разделения на отдельные реплики.

« – Перестань, моя хорошая, – говорил он, – поплакала – и будет... Теперь давай поговорим, что-нибудь придумаем.

Потом они долго советовались, говорили о том, как избавиться себя от необходимости прятаться, обманывать, жить в разных городах, не видясь подолгу. Как освободиться от этих невыносимых пут?

– Как? Как? – спрашивал он, хватая себя за голову. – Как?

И казалось, что ещё немного – и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца ещё далеко-далеко и что самое сложное и трудное только ещё начинается».

Многие диалогические структуры в рассказе являются структурами, которые, представляя реальное общение персонажей, отличаются от разговорного естественного диалога своеобразием построения, что связано с особенностями содержания общения, в художественном произведении. Диалогические структуры могут быть нерасчлененными на отдельные реплики, в разной степени свернутыми по смыслу, неперсонифицированными (или не полностью персонифицированными), имеющими описание ответа, а не сам ответ, они могут включать мысли персонажа. Такая трансформация рассчитана на соучастие, сотворчество читателя, поскольку все эти структуры «раскрываются», становятся полностью понятными только при участии воспринимающего сознания читателя, что позволяет расширить таким образом объемность мира персонажей.

Литература

Изотова Н.В. Диалогическая коммуникация в языке художественной прозы А.П. Чехова. Ростов н/Д., 2006.

Кожевникова Н.А. Стиль Чехова. М., 2011.

Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005.

Фрайзе Маттиас. Проза Антона Чехова. М., 2012.

Чехов А.П. Дама с собачкой // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М., 1974–1982; т. 10.

References

Izotova N.V. Dialogicheskaya kommunikatsiya v yazyke khudozhestvennoi prozy A.P. Chekhova. Rostov n/D., 2006.

Kozhevnikova N.A. Stil' Chekhova. M., 2011.

Stepanov A.D. Problemy kommunikatsii u Chekhova. M., 2005.

Fraize Mattias. Proza Antona Chekhova. M., 2012.

Chekhov A.P. Dama s sobachkoi // Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 18 t. M., 1974–1982; t. 10, S. 128-143.

Izotova N. V. (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Variant dialogue structures in the story by A.P. Chekhov «Lady with dog»

The article analyzes the different ways of constructing dialogue communication of the characters in A.P. Chekhov's story «Lady with the Dog», appearing in the written text space. Variant dialogue structures are means of creating both character's plane, and the plane of the reader, as dialogues are formed only with the participation of the reader's consciousness of the perceiver. Formation of dialogical communication takes place with the help of different ways to transfer other speech, clotting the real dialogue, incompleteness of canonical dialogical structure that makes it possible to expand the world of the character by including the reader's perception.

Key words: *dialogic structure, natural dialogue, genuine dialogue, implicit construction, one-way communication.*

Izotova Natalya Valeryanovna – Ph.D. of philology, professor of the Russian language dpt. Southern federal university. E-mail: nvizotov@yandex.ru